

Полунин Вячеслав

ся то, что спрятано за маской повседневности. Карнавала ждут целый год, чтобы хоть на время окунуться в его яркую, бесшабашную стихию.

К одним Карнавал не приходит во все, в жизнь других он врывается на долгие годы. Так случилось с Михаилом Шемякиным, в творчестве которого тема карнавала стала одной из главных. Так случилось с Вячеславом Полуниным, чей путь, пролежавший через пантомиму, клоунаду, уличный театр, привел его в этот гротесковый мир. Для него карнавал - высшее проявление театральности и высшее проявление театра, выплескивающегося в пучину повседневной жизни.

Есть какая-то особая закономерность в том, что эти два больших художника встретились в пространстве карнавала, чтобы силой своего таланта оживить его, по-новому увидеть и почувствовать карнавальную стихию. Безудержное многоцветие красок, изысканность линий шемякинской живописи рождает мир яркий, сочный, радостный. Но населяют его настоящие монстры, чей фантазмагорический облик обрета-

ляют его груды книг о карнавалах и бесконечное число бумажных листов с идеями для этого спектакля. По крупицам собирает Полунин мир своего будущего представления, безжалостно отсеивая все, в чем есть хотя бы микронная доля приблизительности, неточности.

Его внутренняя работа над новым спектаклем всегда продолжается годами, чтобы в какой-то момент взорваться сценическим откровением. Таким откровением стал для многих, например, его нынешний спектакль "Сноу-шоу", признанный в этом году лучшим спектаклем Эдинбургского фестиваля и принесший Полунину славу "лучшего клоуна мира". Но об этом - в следующий раз.

Наталья ТАБАЧНИКОВА.

Карнавалы Санкт-Петербурга (преждевременные заметки)

ет плоть и кровь в сценических фантазиях Полунина. В этой стихии игры вырывается наружу суть человеческая - божественная и дьявольская одновременно.

Герой Полунина - шут - маленький смешной человек, движущийся по самой кромке жизни, потому что лишь на этой черте слабость человеческая становится силой. Потому что только здесь дано ему, шуту, встретиться лицом к лицу со своим главным оппонентом - дьяволом. Чем яростнее их противостояние, тем более странные формы оно обретает: дьявол рядится в шутовские бубенцы, а шут надевает порой маску хозяина преисподней. Таков уж он, карнавал, этот мир наизнанку, мир радостный и страшный одновременно, мир бесшабашный и опасный.

Шемякинские монстры окружают маленького шута - их облик обретают облака - кулисы, их гигантские маски вырастают из каждой щели. Дьявол и шут вращают колесо карнавала, в котором обнажается высшая диалектика бытия - шутовство дьявола и дьявольская усмешка шута.

Рассказывая о спектакле "Карнавалы Санкт-Петербурга", мы, как и положено в карнавале, перевернули логику собственной профессии, потому что речь идет о спектакле, которого нет. Пока нет. Есть только репетиции, море набросков, эскизов, есть колоссальная по мощи идея - философская и художественная. Есть загадка карнавала, есть огромного таланта художники, которые пытаются ее разгадать. А потому и спектакль обязательно будет. Может быть, он станет совсем другим, чем представляется сейчас. В нем непременно появятся иные темы, иные образы, потому что живописные полотна Шемякина не могут не будоражить фантазию. Потому что сама стихия карнавала притягивает к себе Полунина уже очень давно. Именно поэтому пару лет назад он предпринял первую попытку проведения фестиваля современного карнавала в Санкт-Петербурге, а сейчас готовит новый грандиозный проект городского карнавала в Дрездене.

Именно поэтому родилась и сама идея спектакля, в котором сегодня соавторами Шемякина и Полунина выступают, пожалуй, самые отчаянные и дерзновенные приверженцы российского авангарда: руководитель ставшего уже легендарным театра "Дерево" - Антон Адосинский и композитор Роман Дубинников, чье творчество знаменует появление нового языка, новых тенденций в самом понимании музыкального искусства.

Шемякинские карнавальные монстры пока еще населяют не сцену, а только рабочий кабинет Полунина, как насе-

ДРУГОЙ ТЕАТР

Жран и сцена -
1966. - 5-19 дек. -
с. 7.

П

еревернутый, взъерошенный, бурлящий мир карнавала, в котором "сама жизнь играет, а игра становится на время самой жизнью", влечет к себе на протяжении многих столетий праздничностью и свободой бытия. В кривом зеркале карнавала отражает-